

М. М. Шibaева

Феномен творческой личности в контексте социокультурных реалий

Содержательное «ядро» представленного текста составляет осмысление феномена творческой личности через призму онтологического и экзистенциального подходов к вопросу о ее месте в реалиях хронотопа культуры. При этом раскрывается как метафизический характер взаимосвязи творческой личности и Универсума культуры, так и проблема актуализации человека в качестве субъекта поисково-креативной деятельности в современной России.

Ключевые слова: хронотоп культуры, ценностный фонд культуры, жизненный мир и человеческая субъективность, потенциал и интенциональность личности, творческое мышление, поисково-креативная деятельность, понимание и признание творческого субъекта.

M. M. Shibaeva

The Phenomenon of the Creative Person in the Context of Sociocultural Realities

The meaningful "core" of this text is an attempt to understand a phenomenon of the creative personality in the light of the ontological and existential approach to the question of its place in the realities of the culture chronotope. At the same time are revealed both metaphysical features of the relationship between the creative personality and the Universe of culture and the problem of actualization of the man as a subject of creative and search activities in modern Russia.

Keywords: a cultural chronotope, an evaluative culture fund, a living world and a man's subjectivity, the potential and the intentionality of a person, creative thinking; creative and search activities, understanding and appreciation of the creative subject.

Культура во всех своих проявлениях есть неудача творчества, есть невозможность достигнуть творческого преобразования бытия. Культура кристаллизует человеческие неудачи. Все достижения культуры – символические, а не реалистические.

Н. А. Бердяев

Мир с включенной в него культурой, или, вернее, мир, превращаемый в некую культуру, есть мир с отпечатком на нем творческого усилия человека.

В. Н. Муравьев

Такая полярность умозаключений представителей двух поколений русских мыслителей XX в. свидетельствует не только об устойчивой традиции несовпадения оценочных суждений по поводу культурно-исторического опыта, но и о целесообразности обращения к проблемам сопряженности ценностного фонда человечества с результатами и перспективами актуализации творческого потенциала личности в «формах культуры». Включение данных проблем в сферу культурфилософской рефлексии, восходя еще ко времени расцвета всех форм древнегреческой пайдеи, обрело в последние десятилетия в обстоятельствах высочайшего динамизма «мозаичной культуры» (Моль) и ее «неуютности» (Баткин) серьезную теоретико-практическую значимость.

Своевременность погружения в проблемно-тематическое пространство конференции «Творческая личность – 2012: русская культура в глобализационном дискурсе» обусловлена прежде всего масштабами и конфигуративностью кардинальных изменений последних десятилетий. Возможно, в России у большинства людей переживание pro et contra глобализации носит скорее духовно-нравственный, нежели социальный характер. В то же время приметы расширения спектра креативных инициатив в российском обществе подтверждают суждение известного культуролога Э. А. Орловой о том, что «новое мироощущение и мировосприятие на индивидуальном уровне не находят способов для упорядочения и выражения в общезначимых формах мировоззрения или социального взаимодействия. Выход из такой ситуации связан с активизацией инновативной деятельности общества» [6, с. 12]. Иными словами, реализация творческих сил личности в качестве субъекта ценностных отношений и культурной деятельности отвечает потребностям активизации креативного потенциала социума в целях совершенствования основных сфер бытия.

Поскольку же «прирост» новых идей, социально-культурных проектов, технологий и художественных текстов обретает аксиологический и онтологический статус лишь при реализации творческих замыслов личности, возрастает потребность в осмыслении открытых вопросов актуализации индивидуальных дарований в «формах культуры». Кроме того, правомерность обращения к этим вопросам обусловлена и самим личностным фактором повышения творческой «энергетики» современного общества в условиях глобализации. И потому так аксиоматична мысль Поля Сартра о том, что «культура... это сознание постоянной эволюции человека и мира, в котором он живет, работает и борется. Человек – объект и субъект культуры: он ее создает, но и культура создает человека» [7, с. 157].

В связи с этим для раскрытия многоаспектной и неоднозначной проблемы реализации творческой личности особую важность обретают те определения культуры, которые неотделимы от индивидуально-личностного выхода за пределы утвердившихся общепризнанных культурных формообразований на основе поисково-творческой деятельности. В качестве таких определений культуры в статье используются следующие: «предметная книга развернутых человеческих способностей» (Маркс), «область смыслов и значений (Карсавин), «символическая Вселенная» (Кассирер) и «пространство собственных имен» (Лотман).

Данные понятия открывают возможность для осмысления трех ракурсов феномена творческой личности, включенной в социокультурные реалии, – *онтологического, этического и экзистенциального*. Взаимообусловленность данных ракурсов (в сочетании с аксиологическим и эстетическим) наглядно проявляется в ценностном фонде социума.

Объектно-субъектная природа культуры обнаруживает себя как факт на онтологическом уровне. В реалиях любой эпохи культура развивается и функционирует в качестве сложной открытой системы, основные компоненты и механизмы которой подвержены *неизбежным трансформациям*. В значительной мере жизнеспособность любого общества и присущая ему атмосфера обусловлены достижениями духовно-практического освоения наличной реальности (от инновационных идей до технологий), а также неисчислимым богатством текстов культуры (от мифологических до научных, от философских до художественных). И даже когда речь идет о ре-

мейках или о забытых до поры до времени произведениях искусства, они все равно включены в Макрокосм культуры.

Более чем очевидно, что как метатекст и область смыслов и значений культура функционирует благодаря процессам актуализации творческого потенциала людей. Феномен культурного много- и разнообразия неотделим онтологически от индивидуально-личностного вклада в обновление и обогащение ценностного фонда социума. Неслучайно одной из ключевых идей Ю. М. Лотмана является следующая: «Пересечения смысловых пространств, которые порождают новый смысл, связаны с индивидуальным сознанием» [5, с. 117]. А индивидуальное сознание интегрирует, как известно, интеллектуальные, эмоциональные и волевые компоненты мира человеческой субъективности, а также «работу» культурно-исторической памяти. В контексте неразрывной связи целостного потенциала индивида и его мировоззрения формируется самобытность мира человеческой субъективности и установки на определенный образ и стиль жизни.

Отсюда вся сложность и значимость этического и экзистенциального аспектов реализации творческого потенциала личности в современном российском обществе. Оба аспекта сопряжены с мировоззренческими основаниями «жизненного мира» (Гуссерль) личности и ее творческим становлением в качестве потенциального субъекта культуры. Проблемный характер формирования собственного отношения личности к реально существующей в границах любого хронотопа системе «природа – социум – культура – человек» (Каган) обуславливает поисковую активность и необходимость индивидуального выбора. Неслучайно в своей последней книге «Введение в диалектику творчества» Г. С. Батищев так много внимания уделил идее творческого самоопределения индивида *через посредство объективных ценностей*, а перспективы расширения границ креативного потенциала общества связывал со степенью «*ценностного контроля*» [1, с. 39, 43].

Трудности выбора профессии, жизненной позиции, стиля творческого самовыражения и самоутверждения в социокультурном окружении порождают тот «миллион терзаний» (Гончаров), который и являет собой опыт переживаний, воплощаемый в культурных текстах различного типа. У определенного типа людей *интенциональность* как смысло-жизненная направленность носит ярко выраженный креативный характер и в сочетании с природными дарованиями позволяет

им реализовать себя в качестве субъектов творческой деятельности.

Обращение к вопросам назначения человека через призму ценностно-смысловых оснований его бытия и творческого самовыражения восходит к культурному опыту предшествующих эпох. В частности, и к античной идее «калокагатии», и к средневековой трактовке индивидуальной жизни как пути возвышения человека «от тварности к Творцу», и к пафосной идее сотворчества Бога-Маэстро и человека-виртуоза в пору Ренессанса, и к ряду других, по-своему отражающих гуманистическое ядро многогранной связи мира человеческой субъективности с культурными универсалиями. В Нововременной мировоззренческой системе почти два столетия доминировала апология человеческого разума, которая придала идее творческого гения интеллектуальную мощь *Ното sariens* и пафос исторического оптимизма, веры в прогресс. Однако уже на рубеже XVIII и XIX вв. возникает в лице йенских романтиков, а через несколько десятилетий и иррационалистов альтернативный подход к вопросу об источнике творческой энергии индивида и смысле ее воплощения. С выделением же из лона классической философии новых направлений, одно из которых было ориентировано на постижение ценностей жизни, а другое – на рефлексию по поводу ценностей культуры, заметно раздвинуло свои границы проблемное пространство взаимосвязи и взаимообусловленности культурного Макрокосма (во всем его разнообразии) и микрокосма творческой личности.

Естественно, смена культурной парадигмы модернизма качественно иными основаниями постмодернизма, с одной стороны, и реалии техногенной цивилизации и сетевых форм приобщения к текстам культуры, с другой, еще более усложнили и обострили вопросы актуализации и презентации индивидуальных творческих сил. Тем не менее, характерные для социокультурных реалий культурный плюрализм (а по сути, «всеядность»), этический релятивизм и преобладание пародийно-игрового стиля манифестации ценностей потребления не в силах окончательно упразднить социокультурную значимость и нравственный характер личностного выбора ценности-цели и путей ее осуществления.

Правда, еще в пору «классического» периода развития русской культуры эта проблема выбора поднималась на уровень мировоззренческих исканий и художественных открытий. С этой точки зрения уместно вспомнить, что еще в начале

XIX в. В. А. Жуковский задавался следующим вопросом: «Исполнит ли поэт свое призвание, когда, с одной стороны, будет иметь в виду одно только художественное совершенство произведений своих, а с другой – только успех, то есть гордое самоубеждение в своем превосходстве и чародейную сладость хвалы и славы?» [4, с. 334].

В этом вопрошании о влиянии выбора на полноту и продуктивность осуществления индивидуально-личностного призвания поэт-романтик не остался в одиночестве. Последующие периоды трансформации и самой системы культуры и повседневного отношения к ее ценностям и формам вносили свои уточнения в этот открытый и потому всегда актуальный вопрос о цели творчества и находили свое выражение в культурных текстах различного типа – от поэтических до философских.

Принимая во внимание ограничительные рамки жанра статьи, остановлюсь лишь на двух именах отечественных мыслителей последних десятилетий XX в. – Ю. М. Лотмана и М. М. Бахтина. В ряде их трудов особое место отводится различным типам связи мира человеческой субъективности с реалиями культуры прошлого и настоящего, что обогатило сферу гуманитарного знания в целом и его экзистенциально-антропологическое направление в частности.

По сути, их размышления относительно взаимообусловленности творческого дарования, интеллектуальной свободы и этического кредо великих деятелей культуры являются продуктивным продолжением таких типов рефлексирования над проблемой бытия человека, его сущности и назначения, как *философия жизни*, *философия имени* и *философия поступка*.

Сопрягая всю смысловую емкость и полистилистку культуры как знаково-символической системы с неповторимым опытом становления творческой личности и созданными ею тестами, Ю. М. Лотман выделил и раскрыл ряд важных культурологических моментов. К ним относится, во-первых, акцент на таких имманентно присущих любому культурному контексту характеристиках, как «многофакторность и полиструктурность», которые далеко не однозначно «отзываются» на творческом пути личности и опыте ее «самостоянья». Во-вторых, исходя из факта уникальности самой творческой личности и ее значимости в качестве субъекта культуры, Ю. М. Лотман трактовал ее как *текст* и *символ*. В-третьих, он соотносил личность автора культурного текста (от архитектурного проекта до

научной концепции, не говоря уже о художественном произведении) с ее «биографией души» (таков был подзаголовок его книги «Сотворение Карамзина) и с философией жизненного поведения. Согласно Лотману, ценностный фонд мировой культуры включает не только тексты и артефакты, но «именной континуум» тех личностей, которые являют собой «высший культурный авторитет».

Отмеченные моменты, как и некоторые другие, глубоко созвучны подходу М. М. Бахтина к вопросам амбивалентности становления и актуализации творческой личности в определенных условиях того или иного хронотопа культуры. Действительно, по справедливому суждению Ю. М. Лотмана, масштаб личности, чье собственное имя обретает статус культурной ценности, обусловлен не только степенью природной одаренности и зрелостью самосознания, но и биографией, в контексте которой сопряжены событийный ряд жизненного пути и характер поступков. И именно в этом смысле можно говорить о близости его подхода к ряду понятий М. М. Бахтина в таких работах, как «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности».

Для осмысления нравственных и экзистенциальных моментов реализации личности в качестве субъекта культуры важное значение имеет и концепция М. М. Бахтина, в которой через ряд понятий глубокое раскрытие получили проблемы авторского творчества. Такие понятия М. М. Бахтина, как «ценностный топос», «ответственное поступление», «своя единственная незаменимая причастность бытию», «история конкретного самосознания» и «бытие человеческой души», сопрягаются с его же категориями «амбивалентность» и «хронотоп культуры».

Хорошо известно, что, являя собой особый тип субъекта культуры, творческая личность привлекает публичное внимание благодаря не только своим достижениям, но и характеру совершенных поступков. Тезис М. М. Бахтина о том, что «человеческий поступок есть потенциальный текст и может быть понят (как человеческий поступок, а не физическое действие) только в диалогическом контексте своего времени (как реплика, как смысловая позиция, как система мотивов)» [2, с. 107], несет огромную смысловую нагрузку.

Существование творческой личности в контексте социокультурной реальности, как правило, настолько драматично и во многих случаях пара-

доксально, что требует специального рассмотрения. Здесь же я напомним только о двух источниках экзистенциальных переживаний творческой личности как субъекта культуры.

Один из них – *вопрос о понимании, а чаще непонимании* и творческих намерений автора и содержательно-смыслового звучания его текста (философского, художественного, а порой и научного, если он опережает время и не соответствует стереотипам восприятия новых оригинальных идей). В массовом сознании поверхностное и клишированное восприятие таланта, непохожего на «обыкновенных людей», порождает многочисленные свидетельства неадекватного понимания и самого текста культуры, и его автора. И в связи с этим трудно не процитировать В. В. Маяковского, который, казалось бы, не был обделен ни интересом, ни вниманием к себе, ни славой. Но ведь именно ему принадлежат строки: «*Я хочу быть понят моей страной, // а не буду понят – что ж, // по родной стране пройду стороной, // как проходит косой дождь...*»

Другой источник систематического перенапряжения душевных сил творческой личности – это *проблема общественного признания* и как автора оригинального текста и как творческого авторитета. Кроме присущей творческому субъекту, особенно в сферах философской рефлексии и искусства, потребности в понимании, фактом его бытия является экзистенциальное переживание угасания интереса к его деятельности и Имени. Пример переживаний в 30-е гг. «золотого века» русской культуры А. С. Пушкина по поводу зримых признаков переоценки его творений и перспектив воплощения художественных замыслов позволяет отметить как закономерность «превратности судьбы» таланта с точки зрения дилеммы его признания-непризнания, преклонения-отторжения. А за ним – длинный ряд Собственных имен, и у каждого из них свои «сюжеты» и «развязки» в этом поле традиционных проблем.

Правда, в социокультурных реалиях глобализованного мира потребности понимания и признания обрели совсем иную «подоплеку» и другие способы решения этих вопросов. Ведь и сама творческая личность с точки зрения ее статуса в качестве автора оригинальных идей, образов, культурных проектов, а тем более нравственного образца отодвинута и властными структурами и массовым сознанием на периферию отечественной культуры. В последние годы триумфа клипового сознания и зрелищных демонстраций звезд эстрады, спорта, ток-шоу выстраданный собст-

венной судьбой и подвижничеством в искусстве завет Бориса Пастернака: «Цель творчества – самоотдача, // А не шумиха, не успех. // Позорно, ничего не знача, // Быть притчей на устах у всех» – звучит не просто как анахронизм, а как полный абсурд.

Важность концентрации внимания на этом моменте обусловлена тем, что степень реального, а не манифестируемого использования в условиях современной России природных дарований людей, их творческой инициативы и инновационных установок является, по сути, одной из характеристик актуальной культуры в единстве ее предметной, процессуальной и личностной сфер. Вот почему усиление этико-экзистенциальной составляющей проблемного пространства культуры общества – факт столь же закономерный, сколь и стимулирующий исследовательский интерес к проблемам актуализации целостного потенциала современного человека.

Именно поэтому для завершения темы, связанной с местом творческой личности в контексте социокультурных реалий, стоит обратиться к феномену «звездной болезни» – к «старизму».

«Старизм» как характерное явление последних десятилетий представляет собой практику культивирования, гиперболизации звезд эстрады, кино, спорта как жителей Олимпа славы, богатства и успеха. Родившаяся в контексте западной массовой культуры эта практика «раскручивания» и прославления кумиров оказала негативное влияние на традиционные подходы к понятию творческой личности и критериям оценки ее жизнедеятельности.

Во-первых, совсем иную трактовку получила тема *свободы творчества*: традиция отстаивания авторского права на выражение в своих текстах мировоззренческой и нравственной позиции, а также собственных оценок сущего в соотношении с гуманистическим и эстетическим идеалом почти ушла в «небытие культуры». При всех признаках постепенного преодоления в современном российском обществе идеологического табуирования и нормативности социального заказа в сфере творчества еще не время констатировать исчерпанность данной темы. Ведь цензурный диктат сменился иными типами давления на творческие замыслы и стиль презентации автора культурного текста – рыночным, коммерческим и «приговором моды». Именно эти типы требований к одаренным натурам соотносятся с установками на извлечение максимальной выгоды и сенсационного успеха. Отсюда и разнообразие

приемов создания культовых звезд, творческие потенциалы которых реализуются в сфере развлекательной культуры, эффектных с точки зрения психологического шока форм пиара и самоутверждения. Таким образом, феномен старизма в немалой степени обусловил трансформацию представлений о свободе творчества личности в оправдание в поведении и общении звездных персон развязности, узаконенных массовым созданием вульгаризмов речи и забвение «нормы вкуса».

Второе свидетельство негативного воздействия старизма на практику актуализации творческого потенциала социума в целом и личности в частности связано с проявлением механизма «моды» в философских, культурологических и искусствоведческих текстах в плане использования эффектной лексики и цитирования «знаковых имен». Думается, что перебор модной терминологии и авторитетных имен в качестве бренда в определенной мере обусловлен тем мировоззренческим инфантилизмом и той облегченностью авторской установки, которые явно снижают содержательно-смысловой уровень многих текстов культуры, созданных в последние годы. А в результате поисково-творческая направленность интеллектуальной и художественной деятельности все реже обнаруживает себя как факт высокой культуры, что также усугубляет открытый характер проблематики творчества личности в современных условиях.

В-третьих, симптомами угрозы «звездной болезни» как практики достижения успеха через пиар, рекламу и другие приемы «маркетинга» одаренной индивидуальности перспективам развития отечественной культуры являются многочисленные факты если не распыления, то расточительства творческой энергии общества в целом. В итоге все более ощутимы, как справедливо отмечает в своей статье «Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред» С. Е. Ячин, «тотальное снижение творческого потенциала личности, проявляющееся в шаблонности, стереотипности, мозаичности мышления, в атрофии творческого воображения, в снижении качественной насыщенности существования личности и др.» [8, с. 111].

И все же при всем массиве «болевых точек» трансформации понятия творческой личности и ее судьбы в контексте социокультурных реалий меня очень обнадеживает мысль С. Н. Булгакова. Согласно одному из великих русских философов, «весь мир есть постоянно осуществляемое про-

изведение искусства, которое в человеке, в силу его центрального положения в мире, достигает завершенности, ибо лишь в нем, как царе творчества, завершается космос» [3, с. 254]. По-своему оптимистичны и поэтические строки Николая Заболоцкого: «*Два мира есть у человека: // Один, который нас творил, // Другой, который мы от века // Творим по мере наших сил*».

Что ж. Стоит довериться и философу и поэту и приближать общими усилиями новый «взрыв» собственных имен тех личностей, творческие потенции и духовно-нравственные интенции которых актуализируются в форме свершений во благо культуры, а стало быть, и во имя гуманизма...

Библиографический список

1. Батищев, Г. С. Введение в диалектику творчества [Текст] / Г. С. Батищев. – СПб., 1997.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М., 1986.
3. Булгаков, С. Н. Свет невечерний [Текст] / С. Н. Булгаков. – М., 1917.
4. Жуковский, В. А. О поэте и современном его значении [Текст] / В. А. Жуковский // Эстетика и критика. – М., 1985.
5. Лотман, Ю. М. Миф-имя-культура [Текст] / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. 1. – Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: Александра, 1992.

6. Орлова, Э. А. Процессы формирования референтных образований (образцов, ценностей, норм) в социально значимых ситуациях [Текст] / Э. А. Орлова // Обсерватория культуры. – М., 2011. – № 1

7. Сартр, Ж.-П. Ответы на встрече с молодыми философами в 1966 г. [Текст] / Ж.-П. Сартр // Вопросы философии. – 2007. – № 2.

8. Ячин, С. Е. Метакультура – место творчества личности на границе культурных сред [Текст] / С. Е. Ячин // Личность. Культура. Общество. – 2010. Том XII. – Вып. 1. – № 53–54.

Bibliograficheskiy spisok

1. Batishchev, G. S. Vvedeniye v dialektiku tvorchestva [Tekst] / G. S. Batishchev. – SPb., 1997.
2. Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Tekst] / M. M. Bakhtin. – M., 1986.
3. Bulgakov, S. N. Svet nevecherniy [Tekst] / S. N. Bulgakov. – M., 1917.
4. Zhukovskiy, V. A. O poete i sovremennom yego znachenii [Tekst] / V. A. Zhukovskiy // Estetika i kritika. – M., 1985.
5. Lotman, YU. M. Mif-imya-kul'tura [Tekst] / YU. M. Lotman, B. A. Uspenskiy // Lotman YU. M. Izbrannyye stat'i v trekh tomakh. T. 1. – Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. – Tallin: Aleksandra, 1992.
6. Orlova E. A. Protsessy formirovaniya referentnykh obrazovaniy (obraztsov, tsennostey, norm) v sotsial'no znachimykh situatsiyakh [Tekst] / Observatoriya kul'tury. – M., 2011. – № 1.
7. Sartr, ZH.-P. Otveti na vstreche s molodymi filosofami v 1966 g. [Tekst] / ZH.-P. Sartr // Voprosy filosofii. – 2007. – № 2.
8. Yachin, S. Ye. Metakul'tura – mesto tvorchestva lichnosti na granitse kul'turnykh sred [Tekst] / S. Ye. Yachin // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. – 2010. Tom KHII. – Vyp. 1. – № 53–54.